

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ВВЕДЕНИЕ	33
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ИСТЕРНИЗАЦИЯ В АЗИИ	
1 От Вестернизации к Истернизации	61
2 Угроза войны	77
3 Китай — конец концепции «Скрывай и выжидай»	95
4 Реакция Америки	123
5 Необходимость выбора Японии и Кореи	141
6 Битва за Юго-Восточную Азию	161
7 Индия — вторая супердержава Азии	187

[>>>](http://kniga.biz.ua) Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ИСТЕРНИЗАЦИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ АЗИИ

8	Вопрос американского господства	211
9	Ближний Восток — падение западного порядка	229
10	Европа и ее наглухо закрытые окна	255
11	Россия поворачивается в сторону Востока	277
12	Пограничные территории	297
13	Африка и страны Американского континента — Китай выходит за пределы своих задворок	319
14	Преимущество западных организаций	337
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ: За пределами Востока и Запада	365
	Благодарности	377
	Ссылки	381
	Алфавитный указатель	401

3.

КИТАЙ — КОНЕЦ КОНЦЕПЦИИ «СКРЫВАЙ И ВЫЖИДАЙ»

СИ ЦЗИНЬПИН был провозглашен новым генеральным секретарем Коммунистической партии Китая 15 ноября 2012 года, ровно через восемь дней после того, как Барак Обама выиграл перевыборы на пост президента США. Китайский лидер не терял времени на то, чтобы изложить свои перспективы для нации. 29 ноября он произнес важную речь по поводу своих планов на «великое возрождение китайской нации» в Национальном историческом музее на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Любому иностранцу, желающему понять, что пятидесятилетний Си хотел сказать этой фразой, стоило бы посетить обновленные галереи музея, которые повествуют о современной истории Китая, с точки зрения Коммунистической партии.

Посетителям рассказывают, как в XIX веке «имперские государства обрушились на Китай как пчелиный рой, разграбляя наши сокровища и убивая наших людей». Акры

пространства залов посвящены страданиям, которые принесло японское вторжение и оккупация Китая с 1937-1945 годов, когда погибло около 15 миллионов китайцев.

Однако там практически не выделено место для упоминания еще большего количества людей, которые потеряли свои жизни в периоды голода и санкционированных государством убийств во время «Великого скачка» Мао в 1958-1962 годах.

В Китае ужасы войны с Японией с течением времени не отходят на второй план. Наоборот, в эпоху Си удерживать конфликт с Японией в центре внимания общественного сознания, кажется, является официальной политикой. Регулярно показываются патриотические телевизионные драмы, поставленные в период войны с Японией. В сентябре 2015 года сам президент Си отсалютовал во время масштабного военного парада в Пекине, который был проведен в честь семидесятой годовщины окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии. В прошлом Китай проводил множество таких церемоний памяти, но это был первый случай, когда юбилей был отмечен гигантской демонстрацией военной мощи — включая ракеты и марширующие войска. Не только для Японии, но и для многих соседей Китая, данный символизм казался зловещим.

Парад на площади Тяньаньмэнь проходил перед Национальным историческим музеем и еще больше усилил свой посыл: миссия Коммунистической партии — исправить все исторические несправедливости, которым подвергся Китай, и вернуть стране ее законное положение в международных отношениях. Как я отметил при встрече с президентом Си в Пекине, он является весьма внушительным человеком для того, чтобы донести это послание. Он почти метр восемьдесят ростом, крепкого телосложения: в такой стране, как Китай, где все одержимым вопросом роста, это помогает ему показать свою власть и авторитет.

В свою очередь, человеком, который больше, чем кто бы то ни было был ответственным за подъем современного Китая, был миниатюрный Дэн Сяопин, меньше полутора метров ростом, но который имеет право называться гигантом современной китайской истории. Именно Дэн со своей политикой экономических реформ и открытости внешнему миру, начатой в конце 1978 года, изменил Китай в течение одного поколения. Экономические реформы, начатые Дэном, способствовали тому, что размеры китайской экономики увеличивались в два раза каждое десятилетие, вопреки всем предсказаниям Запада о том, что бурное развитие Китая непременно скоро закончится. К тому времени, когда Си пришел к власти в 2012 году, Китай уже приближался к званию самой большой мировой экономики.

Также именно Дэн дал своим коллегам по Коммунистической партии один известный совет по поводу того, как поднимающийся Китай должен вести дела с внешним миром. Его изречение — «Хладнокровно наблюдайте, спокойно решайте проблемы, удерживайте свое положение, скрывайте свои возможности, выжидайте свое время, достигайте результатов, где возможно» — стало известным и часто сокращалось до варианта «скрывай и выжидай» в западных внешнеполитических кругах. На английском языке эта фраза из трех слов может прозвучать как указание быть лживым и коварным. В действительности, акцент Дэна на сдержанности и сотрудничестве в международных делах оказался весьма целесообразным как для Китая, так и для Запада. Это была политика, которая дала Китаю время и место для преобразования своей экономики, позволяя Западу воспользоваться богатствами, которые создавал Китай. Таким образом, потенциально тревожное явление — подъем Китая — было представлено как «беспроблемное», если выразить его западным термином, который был быстро принят Китаем.

Преемники Дэна следовали подобной политике и придерживались похожих убедительных лозунгов. При Ху Цзиньтао, который руководил Коммунистической партией с 2002 по 2012 год, Китай следовал политике, которая стала известной как «мирный подъем» — до тех пор, пока выражение «подъем» не стало расцениваться сторонними людьми как слишком угрожающее. В этот момент Ху начал отдавать предпочтение выражению «гармоничный мир».

В годы правления Ху, одним из наиболее красноречивых и выдающихся сторонников той точки зрения, что Китай и Соединенные Штаты взаимно заинтересованы в мирном подъеме Китая, был профессор Ван Джиси из Пекинского университета. Для Вана подъем Китая был возможен только в контексте глобализации, и именно Соединенные Штаты разработали и поддерживали систему глобализации. Со своей стороны, Соединенные Штаты были заинтересованы в процветающем и стабильном Китае, который интегрируется в возглавляемый Америкой мировой порядок. Как видел это профессор Ван, Китай выиграл от «мягкого осторожного использования власти США в мировой системе», в то время как Америка получила выгоду от упорядоченного, но меняющегося под сильным, реформаторским руководством Китая». ¹

Какое-то время Ван работал в качестве приглашенного профессора в Принстонском университете, цитадели «либерального интернационалистического» мышления, которое он поддерживал. Профессора из Принстона, такие как Джон Айкенберри и Энн-Мари Слотер (которая продолжала исполнять обязанности первого директора по планированию политики в Государственном департаменте под руководством Хиллари Клинтон), посвятили себя тому, чтобы опровергнуть мнение о том, что великие державы обречены на столкновение. Напротив, как заявлял Айкенберри, Китай и Соединенные Штаты являются державами, стремящимися к сохранению статус-кво, с большой заинтересованностью в

том, чтобы сохранить глобальную систему, которая бы подходила им обеим. Ни у одной из стран не было реального интереса в том, чтобы уничтожить эту систему, а уж тем более рисковать вступить в войну друг с другом.

Влияние теорий Вана по поводу взаимозависимости между Америкой и Китаем можно было увидеть в официальной риторике китайского правительства в течение десятилетия до того, как Си Цзиньпин пришел к власти. Вэнь Цзябао, премьер-министр Китая в тот период, сказал об Америке и Китае, что «наши общие интересы гораздо важнее, чем наши различия». Профессор Ван был близок к Даю Бинго, который занимал высшую должность в иерархии внешней политики Китая — государственный советник — на протяжении пяти лет с марта 2008 года. Пребывая на этом посту, Дай считал своим долгом развивать достойные деловые взаимоотношения с Белым домом. Том Донилен, глава совета национальной безопасности на протяжении большей части периода первой администрации Обамы, всецело доверял своему китайскому коллеге, говоря своим доверенным лицам: «Каждый раз, когда Дай обещал мне что-то, он это выполнял». Генри Киссинджер тоже был поклонником Дая, высоко оценивая его как «вдумчивого и рассудительного» лидера.² В декабре 2010 года в своей популярной статье Дай поддержал теории мирного подъема и взаимозависимости, выдвинутые такими мыслителями, как Ван Джиси. По словам Дая, главная цель Китая — «попрощаться с бедностью и насладиться лучшей жизнью» — зависит от мирной международной обстановки. Он заявлял, что Китай является «самым ответственным, самым цивилизованным и самым законопослушным и мирным членом международного сообщества».³

Несмотря на то, что он делал акцент на взаимозависимости, Дай Бинго был в состоянии занять жесткую позицию, когда Китай считал, что его «основные национальные интересы» находятся под угрозой. Он все еще находился у

власти, когда территориальные споры Китая с Японией и Филиппинами усугубились. Но среди этой растущей напряженности Дай все еще считался в Вашингтоне спокойным и заслуживающим доверия партнером. Поэтому тот факт, что в марте 2013 года, в самом начале срока пребывания Си Цзиньпина на посту лидера страны, Дай Бинго ушел с поста государственного советника, был весьма знаменательным.

Новым лицом международной политики стал Ян Цзечи, человек с гораздо более агрессивным стилем поведения. Ян является бывшим послом в Соединенных Штатах, свободно владеет английским и чувствует себя комфортно в Вашингтоне. Но он показал и готовность использовать конфронтационные формулировки, которых избегало предшествующее поколение китайских дипломатов, воспитанных в духе концепции «Скрывай и выжидай».

Для многих обеспокоенных соседей Китая, один единственный печально известный случай определяет образ Яня. В 2010 году, все еще пребывая на посту министра иностранных дел (нижестоящая должность, чем государственный советник), Ян опубликовал резкое предупреждение другим азиатским государствам, чтобы они не прыгать выше головы в своих различных территориальных спорах с Китаем. На саммите Азиатско-Тихоокеанских стран во Вьетнаме он объявил: «Китай — большая страна. А вы все маленькие страны. И это факт».

Для некоторых дипломатов, которые собрались во Вьетнаме, это стало моментом, когда маска Китая наконец-то спала. Концепция «Скрывай и выжидай» уступила место чему-то более жесткому. Даже некоторые китайские обозреватели были ошеломлены выступлением Яня, полагая, что вероятно оно приведет к неприятным последствиям и направит меньшие азиатские страны прямо в руки Соединенных Штатов. Но президент Си, очевидно, не был одним из тех, кто считал, что Ян Цзечи зашел слишком

далеко. Наоборот, он повысил его до более высокой должности в иерархии международной политики Китая.

Сам Си пришел к власти, имея репутацию «любителя обниматься с военными» — человека, имеющего более тесные связи с вооруженными силами, чем его предшественник, Ху Цзиньтао. И новый китайский лидер очень скоро предоставил подтверждение того, что он был готов предпринять меры, которые нравились агрессивно настроенным националистам.

В декабре 2012 года, через месяц после того как Си занял пост Генерального секретаря и главнокомандующего, китайские военно-воздушные силы вторглись в воздушное пространство Японии впервые с 1958 года. Через два месяца, в феврале 2013 года, Китай взял японский фрегат под прицел своей системы наведения ракет в районе оспариваемых островов Сенкаку-Дяоюйдао. В октябре того же года *«Глобал Таймс»*, националистическая китайская газета, написала, что «Возрастает вероятность того, что разногласия между Китаем и Японией перерастут в военный конфликт». Месяцем позже Китай ошеломил правительства Соединенных Штатов и Японии, объявив создание «зоны идентификации противовоздушной обороны» (ADIZ), покрывающей большую часть Восточно-Китайского моря, включая оспариваемые острова. Китайская ADIZ требовала, чтобы все некитайские самолеты, входящие в эту зону идентифицировали себя местным властям.

В те годы, когда Ху Цзиньтао и Да Бинго контролировали внешнюю политику, китайские военно-воздушные силы настаивали на декларации ADIZ, и им это не удалось, но Си Цзиньпин дал этому зеленый свет.⁴ Соединенные Штаты продемонстрировали свой отказ принять новую ADIZ тем, что их военные самолеты пролетели через эту зону, не запросив сначала разрешения у китайских властей. Возможная опасность этой новой ситуации получила свое подтверждение

в августе 2014 года, когда китайский истребитель перехватил самолет американских военно-воздушных сил в 115 милях от острова Хайнань в ходе столкновения, которое Министерство обороны США описало как «очень близкое, очень опасное».⁵

В течение нескольких месяцев после объявления ADIZ свидетельства новой и более агрессивной внешней политики Китая, казалось, возрастали. Китай вызвал гнев Вьетнама, разместив нефтяную вышку в спорных водах, вызывая тем самым антикитайские массовые беспорядки по всему Вьетнаму. Визит президента Си Цзиньпина в Индию был омрачен известием о том, что китайские войска перешли на спорную территорию, подконтрольную Индии, даже когда президент Китая улыбался и обменивался рукопожатиями в Дели.⁶

Свидетельства того, что Пекин вступил на новый и более агрессивный путь, продолжали поступать. За первые 18 месяцев пребывания у власти Си нанес больше официальных визитов Народно-освободительной армии, чем его предшественники за десятилетие. Но Китаю удавалось сочетать очарование с запугиванием, совмещая угрозы с обещаниями выгодных беспроигрышных сделок.

В ноябре 2014 года, ровно через год после того, как он занял пост Генерального секретаря партии, Си воспользовался саммитом Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) для того, чтобы показать миру более дружелюбное лицо. Соединенные Штаты объявили о достижении нового взаимопонимания в вопросе изменения климата. И после нескольких месяцев настойчивого лоббирования из Токио китайский лидер согласился пожать руку премьер-министру Японии Синдзо Абэ.

Тем временем, Китай добился расположения других азиатских соседей предложениями инвестиций и экономического сотрудничества. Китай во всеуслышание объявил о

своих планах по созданию в Пекине нового Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, который будет способствовать созданию инфраструктуры и продвижению торговли на континенте. Новый лозунг Пекина — как всегда неустанно повторяемый китайскими СМИ — был «Один пояс, одна дорога». Пояс представлял собой идею «нового Шелкового пути», который возродит древние торговые маршруты между Китаем и его западными соседями в Центральной и Южной Азии. «Дорога» (весьма путано) представляла собой развитие новых торговых маршрутов в морях вокруг Китая, приблизительно вдоль тех же самых маршрутов, по которым плавал великий адмирал Чжэн Хэ в эпоху династии Мин.

Для некоторых людей новая направленность действий президента Си выглядела как ярко выраженный отход от вызывающего тревогу милитаризма первых нескольких месяцев его правления и возврат к более ранней политике, основывающейся на экономическом сотрудничестве. Было высказано мнение, что, возможно, президент Си заметил, что его более агрессивная политика подталкивает азиатские государства в руки Соединенных Штатов, и он еще раз как следует все обдумал. Но на самом деле экономические и военные аспекты внешней политики Китая при президенте Си служили одной и той же стратегической цели: сформировать и укрепить притязания Китая на то, чтобы стать главенствующим государством в Азии и Тихоокеанском регионе.

Даже когда президент Си предпринимал шаги примирительного характера, он делал это таким образом, который, казалось, был призван подчеркнуть растущее в Китае чувство собственного превосходства в этом регионе. Поэтому встреча китайского президента с премьер-министром Японии на саммите АТЭС не была похожа на встречу равных. Наоборот, Синдзо Абэ остался стоять в одиночестве перед камерами, терпеливо ожидая, когда ему будет позволено пожать руку мистеру Си.⁷ Один дипломат из Азии, который

стал свидетелем данного обмена приветствиями, уверял меня, что президент Си явно отрепетировал свое выражение болезненного отвращения, которое появилось на его лице, когда он обменялся рукопожатием с японским лидером.

Любые надежды на то, что агрессивная политика, которой следовал президент Си в первый год своего правления, окажется просто временным явлением, быстро разбились вдребезги в течение нескольких месяцев после проведения саммита АТЭС. Вместо этого территориальные притязания Китая были выдвинуты новым и более творческим способом посредством целенаправленной программы по «строительству островов» в Южно-Китайском море. Стремясь укрепить свои спорные притязания на территориальные воды в сотнях миль от материкового Китая, Пекин начал проводить масштабные программы по мелиорации земель и дноуглубительным работам, которые превращали морские отмели в небольшие острова. Правительство в Пекине заявляло, что их мелиоративная работа была направлена на обеспечение общественных благ, таких как маяки, и что другие страны предпринимали аналогичные шаги. Островное строительство Китая осуществлялось в гораздо большем масштабе, чем все попытки, предпринятые когда-либо Вьетнамом или Филиппинами. Администрация Обамы, безусловно, была убеждена, что эта мелиорация земель имела логическое военное обоснование, указывая на строительство двухмильной взлетно-посадочной полосы на рифе, имеющем громкое название Огненного Креста.

ВСЕ БОЛЕЕ ОЧЕВИДНОЕ СТРЕМЛЕНИЕ КИТАЯ отстаивать свою центральную роль в Тихоокеанском регионе не стало неожиданностью для большинства наблюдателей, которые длительный период следят за этой страной. Ли Куан Ю, бывший премьер-министр Сингапура и близкий соратник сменявших

друг друга китайских лидеров, который умер в 2015 году, всегда считал, что Китай, в конечном итоге, будет стремиться восстановить свое историческое величие. Он говорил, что «их культуре 4000 тысячи лет и у них есть 1,3 миллиарда человек, многие из которых обладают огромными талантами... Как они могут не претендовать на то, чтобы быть номером один в Азии, а со временем и во всем мире?»⁸

Мысль о том, что Китай — это «Срединное царство», вокруг которого вращается вся остальная Азия, имеет глубокие корни в китайской истории. Принимая во внимание историю Китая, его размер и экономический динамизм, всегда было очевидно, что политика «Скрывай и выжидай» уступит место чему-то более агрессивному, так как богатство и уверенность страны возрастали. К тому времени, когда президент Си пришел к власти, уже существовало множество новых идей и формирующихся политик, которые он мог использовать в качестве основы для более агрессивной внешней политики. Особенно важными были три связанные между собой понятия: чувство оскорбленного национализма, растущая уверенность в силе Китая по отношению к Соединенным Штатам и глубокий страх по поводу внутренней политической стабильности Китая и потенциально подрывной роли Запада.

Можно точно проследить, когда Коммунистическая партия Китая начала использовать националистическую риторику. Именно в июне 1989 года Дэн и его коллеги приняли судьбоносное решение подавить мятеж студентов, который угрожал правлению Коммунистической партии в Китае. Бойня на площади Тяньаньмэнь представляла огромную угрозу существованию китайского правительства и правомерности однопартийного государства. Тот факт, что события на площади Тяньаньмэнь произошли в тот же год, что и падение Берлинской стены (которое было через несколько месяцев после событий в Пекине), усилил ощущение в

международных кругах, что дни коммунистического правления в Китае сочтены. Само китайское правительство было сильно потрясено падением Советской империи и четко осознавало, что совокупность внутренних и международных событий несут огромнейшую угрозу существованию коммунистического правления с момента триумфа партии в 1949 году. В ответ на это Коммунистическая партия все больше стала делать акцент на национализме и национальном возрождении — «великом возрождении китайской нации» — как на способе восстановления своей легитимности.

В годы, последовавшие за 1989 годом, мысль о том, что Китай подвергался «столетию унижений» только для того, чтобы Коммунистическая партия спасла его от мира хищников, насаждалась в головы целого поколения школьников и студентов через новые учебники по истории и музеи. Современная история Китая стала обязательным предметом в средней школе, начиная с 1992 года. В инструкциях по преподаванию курса новой истории четко сказано, что «китайская современная история — это история унижения, под действием которого Китай постепенно превратился в полуколониальное и полуфеодальное общество... Это история успеха Новой Демократической революции под руководством Коммунистической партии».⁹ Студентов поощряли посещать новые или обновленные музеи и памятные места — такие как музей Национальной истории в Пекине и Мемориальный зал жертв в Нанкине — продвигая ту же самую мысль об унижениях со стороны иностранных государств и возрождении благодаря Коммунистической партии. К моменту избрания президента Си Генеральным секретарем Коммунистической партии, целое поколение молодых китайцев было вскормлено этим «волчьим молоком» национализма.

В роли лидера Си Цзиньпин начал очень быстро заигрывать с националистическими идеями и риторикой. Понятие,

с которым его стали наиболее тесно отождествлять, было «Китайской мечтой», идеей, которая очень быстро была подхвачена и распространена в одержимой лозунгами политической культуре Китая. Конечно, «Китайская мечта» была отголоском «Американской мечты». Многие иностранные обозреватели, вдохновленные китайцами, полагали, что разговоры президента Си о «Китайской мечте» были прямым ответом на статью Тома Фридмана, влиятельного обозревателя газеты *New York Times*, в которой он призывает Китай разработать свою собственную «мечту» о материальном развитии, связанную с более чистой окружающей средой. Однако, задолго до того, как Фридман или Си произнесли эту фразу, многие китайцы узнали об идее «Китайской мечты» из бестселлера полковника Лю Миньфу.

Книга Лю «Китайская мечта», опубликованная в Китае в 2010 году, начинается смелым заявлением: «На протяжении столетия мечтой Китая было стать ведущей страной мира».¹⁰ Подобно японским националистам 1930-х годов, полковник Лю заявляет, что подъем его страны является частью более масштабного возрождения Азии. Он пишет, что «Когда Китай станет ведущей страной в мире, он положит конец западному понятию расового превосходства... Каждый мировой лидер в современной истории был выходцем из Европы или Северной Америки; однако Азия является самым большим континентом, и согласно всем правилам он должен иметь главное мировое государство».¹¹

Для полковника Лю «Китайская мечта» является частью более широкого смещения господства с Запада на Восток. Китай будет занимать центральное место в новой эпохе процветания Азии и положит начало более гармоничному миру, потому что его руководство будет мудрее и великодушнее, чем руководство Соединенных Штатов. Наряду с мечтой об абсолютной гармонии в мире, возглавляемом Китаем, существует более жесткая идея о неизбежной

конфронтации с Соединенными Штатами. Как большинство китайских националистов, Лю полагает, что Соединенные Штаты естественно будут стремиться препятствовать подъему Китая в качестве соперника — как они когда-то мешали Японии и СССР. Полковник, которому на данный момент за пятьдесят, живет в комплексе жилых домов для военнослужащих в Пекине, недалеко от Министерства обороны. Когда мой коллега из *Financial Times* навестил его там, полковник Лю сообщил ему, что «как простой военнослужащий, я открыто заявляю, что Китаю следует попытаться стать номером один, следует поучаствовать в гонках, чтобы стать страной-победительницей».¹²

Когда президент Си принял для себя формулировку «Китайская мечта», он прекрасно понимал, какое значение это будет иметь для многочисленных читателей Лю. И действительно, были и другие намеки на то, что взгляды полковника Лю нашли отклик у самой верхушки китайского правительства. В его книге было предисловие, написанное генерал-лейтенантом Лю Ячжоу, близким советником президента Си. Для генерала Лю зарождающееся соперничество между Китаем и Соединенными Штатами обещает стать «крупнейшее игрой мировой державы в истории».¹³

Вопрос, верит ли руководство Китая в ту националистическую риторику, которую они вливают в систему образования страны, является важным для понимания будущего направления Китая. Одна точка зрения заключается в том, что самые значительные руководители страны цинично воспользовались идеей национализма как политическим механизмом, никогда на самом деле не веря в основополагающие доводы. Безусловно, Китай последовательно проводит политику, которая свидетельствует о прагматичном желании интегрировать экономику страны в экономику Запада — присоединение к Всемирной торговой организации, поощрение внутренних инвестиций и продвижение китайских инвестиций в другие страны.

На личном уровне лидеры Китая показали, что они весьма ценят то, что может предложить Запад. Дочь президента Си училась в Гарварде под вымышленным именем. Бо Силай, популистский лидер, которого считали соперником Си до его падения в результате дел о коррупции и убийствах, специализировался на националистической риторике. Однако это не помешало ему отправить своего сына в школу Хэрроу, альма-матер Уинстона Черчилля, а затем в Оксфорд и Гарвард.

Еще одна точка зрения заключается в том, что хотя лидеры Китая могут сохранять определенную циничную дистанцию от националистической риторики в приватной обстановке, они, тем не менее, могут оказаться в ловушке благодаря этой риторике. Эта теория утверждает, что воспитав поколение молодых людей на историях о национальном унижении и возрождении, ни один китайский лидер не мог позволить себе отступить от своих позиций в кризисе с Японией или Соединенными Штатами. Китайское руководство знает свою историю и хорошо помнит, что в 1919 году демонстрации националистических студентов, возмущенных условиями, на которых лидеры страны приняли Версальский договор, привели косвенным образом к основанию самой Коммунистической партии.

Но существуют некоторые свидетельства того, что многие лидеры Китая лично поддерживают некоторые заговорщические и антизападные теории, которые преобладают в националистических кругах. В важной исследовательской работе по китайскому национализму, *«Никогда не забывайте национальное унижение»*, академик Чжэн Ван заявляет, что высокопоставленные руководители Китая интернализировали националистические идеи — и существуют серьезные подозрения, что намерения Запада не идут вразрез с ними. В своей книге доктор Чжэн приводит много цитат из просочившихся личных обсуждений, которые велись среди

лидеров страны после бомбежки силами НАТО посольства Китая в Белграде в 1999 году. Даже в частных разговорах ни один из лидеров не поверил объяснениям Америки, что это бомбежка была случайной. Все рассматривали это как преднамеренную угрозу китайской национальной гордости, и некоторые видели в этом заговор с целью спровоцировать и подорвать Китай.¹⁴ Выводы Чжэна заключаются в следующем: «Эти лидеры являются не только учителями и манипуляторами, но и верят в свою новую идеологию».¹⁵

Второй фактор, лежащий в основе возросшей уверенности в себе Китая под руководством Си, — это осознание страной своего растущего богатства и силы по сравнению с Западом. Реакция Китая на заявление МВФ в 2014 году относительно того, что страна стала самой большой мировой экономикой с точки зрения покупательной способности, проявила в какой-то мере старый инстинкт «Скрывай и выжидай». Во время обсуждений в МВФ официальные лица Китая отрицали идею о том, что Китай, возможно, вскоре официально станет «номером один». Во многих отношениях Китаю выгодно утверждать, что он все еще является развивающейся страной. Не было смысла тревожить американцев без необходимости — и если бы Китай классифицировали как крупнейшую в мире экономику, могла бы возникнуть опасность, что его попросят взять на себя больше обязательств, например по вопросу изменения климата или помощи в развитии.

Однако с другой точки зрения не возникает сомнений, что лидеров Китая стимулировало растущее ощущение богатства и силы. Целая вереница мировых лидеров, с огромными торговыми делегациями, следовавшими за ними, начали теперь появляться в Пекине в надежде поймать волну роста Китая. Китай обнаружил, что привлекательность доступа к гигантским китайским рынкам была необыкновенно эффективным инструментом для того, чтобы изменить поведение

иностранных государств — даже некоторых из тех, которые когда-то заставили Китай открыть свои рынки под дулом пистолета. Когда премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон встретился с тибетским лидером Далай-ламой в мае 2012 года, Китай ответил тем, что прекратил дипломатические отношения с Великобританией. Британское правительство было так обеспокоено экономическими последствиями, к которым может привести невозможность общаться с лидерами Китая, что они молча изменили свое поведение. Китайцам дали понять, что дальнейших встреч с Далай-ламой не будет — и Кэмерон в конце концов был вознагражден поездкой в Пекин в декабре 2013 года.

Когда несколько месяцев спустя в Гонконге начались демонстрации, британский премьер-министр весьма демонстративно избежал встречи с лидерами демократического движения Гонконга, когда они посетили Лондон в поисках поддержки. Что касается Пекина, британцы усвоили урок. То, насколько сильным было желание Великобритании скорректировать свою внешнюю политику, чтобы быть на одной волне с Китаем, стало очевидным в марте 2015 года, когда британцы прервали свои отношения с Соединенными Штатами для того, чтобы стать первым крупным западным государством, которое станет одним из учредителей нового Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в Китае. Комментируя этот эпизод, Эсвар Прасад, бывший глава китайского подразделения МВФ, отметил: «Тот факт, что старые игроки, такие как Великобритания и Германия, борются друг с другом за право пасть ниц перед Китаем, безусловно, является признаком нового мирового порядка».¹⁶

Осознание того, что возрастающее экономическое могущество Китая укрепляет дипломатическую силу страны, без сомнения доставляет удовольствие китайским лидерам. Но психологический эффект от десятилетий быстрого экономического роста пошел еще дальше. Он помог многим

китайцам — в бизнесе или личной жизни — почувствовать, что они меньше боятся богатства или успехов Запада. Эта мысль была подхвачена Джеком Ма, предпринимателем, чья интернет-компания «Алибаба» неоднократно делала его миллиардером. В молодости Ма выучил английский, работая экскурсоводом в своем родном городе Ханчжоу. Когда он основал компанию «Алибаба» в 1999 году, он сделал это, бросив своим друзьям и коллегам клич, который находил отклик далеко за пределами бизнеса, говоря им: «Мозги китайцев не хуже, чем у американцев, и именно по этой причине мы можем позволить себе конкурировать с ними».¹⁷ На протяжении десяти лет Ма не только соперничал с американцами, но и победил их, так как «Алибаба» добилась такого уровня мировых продаж, который превышал уровень таких американских интернет-гигантов, как *eBay* или *Amazon*. Первое публичное предложение акций компании — сделанное как раз, когда Си Цзиньпин стал президентом — принесло более 100 миллиардов долларов прибыли.

Компания «Алибаба» олицетворяла собой растущее ощущение богатства, возможностей и уверенности Китая XXI века. И это чувство соответствовало убеждению многих китайских ученых, отображенному в СМИ, что Соединенные Штаты и Запад в целом находятся в состоянии спада. Финансовый кризис, который начался на Уолл-стрит в 2008 году и охватил всю мировую экономику, также способствовал подрыву престижа Соединенных Штатов внутри Китая. Внезапно Соединенные Штаты, которые казались уверенными и надежными в своем мировом положении, оказались балансирующими на краю депрессии и банкротства. В Пекине в ноябре 2008 года, через несколько месяцев после падения банка *Lehman Brothers*, я увидел новое настроение, примером которому послужил комментарий Пэн Вэя, директора Центра китайского и мирового бизнеса при университете Пекина. «Я убежден, — сказал профессор Пэн, — что

через 20 лет мы будем смотреть американцам прямо в глаза как равные. Но, возможно, это произойдет раньше. Их система пребывает в состоянии хаоса и им нужны наши деньги, чтобы спасти себя».¹⁸

Тот факт, что Китай — при поддержке огромных государственных денежных вливаний — оправился от шока 2008 года гораздо быстрее, чем Запад, укрепил уверенность китайцев в себе. Растущая осведомленность о том, как много Соединенные Штаты взяли в долг у Китая, создавала впечатление, что традиционное соотношение сил между Вашингтоном и Пекином менялось.

Новое самомнение Китая было продемонстрировано на встрече Всемирного экономического форума в китайском городе Далянь в 2011 году, когда Руи Чэнган, популярный и симпатичный телевизионный ведущий, публично спросил посла США Гэри Локка, является ли тот факт, что он прилетел на конференцию эконоом классом, «напоминанием о том, что США должны Китаю деньги». Локк ответил откровенно, что полеты эконоом классом являются просто правительственной политикой США. Но Руи (возможно непреднамеренно) задел за живое. Высшие должностные лица администрации Обамы, которые вели дела с Китаем, жаловались на тот факт, что все они слишком часто приезжали в Пекин для проведения серьезных переговоров совершенно разбитыми после того, как провели четырнадцать часов в воздухе в хвосте самолета. Один из них с горечью описывал мне, как он садился в самолет в Вашингтоне и «проходил мимо китайского посла, потягивающего шампанское в бизнес-классе, в то время как я поплелся к моему месту в эконоом-классе».

За годы, пошедшие после краха, западные дипломаты, и в частности европейцы, начали отмечать новый тон в своих деловых отношениях с китайцами. В 2011 году один британский дипломат, недавно вернувшийся из поездки в Китай, рассказал мне, смеясь, что Китай оказался единственной

страной, где ему сказали: «Все, что вам нужно помнить, так это то, что вы прибыли из слабой и приходящей в упадок страны». Еще один очень высокопоставленный британский дипломат сообщил мне по секрету, что «Вести дела с Китаем становится все более неприятным и трудным занятием». Когда я ответил, что некоторые из его коллег в Вашингтоне все еще хорошо отзываются о высших должностных лицах Китая, с которыми они ведут дела, чиновник из Великобритании ответил: «Сейчас существует особый тон голоса, который китайцы приберегли только для американцев». Несмотря на все продолжающиеся утверждения Китая, что он является развивающейся страной, правительство в Пекине все больше вело себя как будущая сверхдержава — и единственной страной, которую Китай, казалось, все еще расценивал как действительно равную, были Соединенные Штаты.

Но при правлении Си Цзиньпина даже американцы начали замечать отчетливое изменение в том, каким тоном Китай ведет дела с остальным миром. Влияние либеральных интернационалистов Китая явно усилилось. Еще один представитель высшего руководства США сказал мне в 2013 году: «К людям, подобным Вану Джиси больше не прислушиваются. Они прячутся в институтах и говорят загадками».¹⁹

Возможно, это было небольшим преувеличением. Когда я посетил Пекин через полтора года, профессор Ван все еще был на виду и был счастлив встретиться за чашкой кофе. С самоуничижительной улыбкой он назвал себя «пресловутым сторонником умеренного политического курса», и мягко отметил, что, возможно, будет лучше, если наш предметный разговор не будет записываться. Тем не менее, в своих опубликованных работах сам Ван отметил изменение настроений при правлении Си Цзиньпина. Как он написал в апреле 2014 года: «За прошедшие пару лет официальные СМИ и документы Китая передали китайским жителям более жесткие

предупреждения о том, что Соединенные Штаты не только пытаются сдержать Китай в военном и политическом плане, но и более зловещим образом ведут идеологическую войну, направленную на создание хаоса и беспорядка в Китае». ²⁰

Как дальновидно отметил Ван, все более агрессивный национализм Китая при Си Цзиньпине является отображением не только уверенности в себе, но и неуверенности. Это указывает на третий фактор, лежащий в основе роста поддерживаемого правительством китайского национализма в период правления Си: страх, что долгое правление Коммунистической партии находится под угрозой свержения со стороны Запада.

Когда студенты-демонстранты в Гонконге сформировали движение «Занимайте центральные районы» в октябре 2014 года, чтобы потребовать полностью демократических выборов в Гонконге, для Китая это выглядело как воплощение самых жутких кошмаров. С самого момента окончания колониального правления Великобритании в 1997 году Гонконг является частью суверенной территории Китая — но управление осуществляется согласно собственным законам по формуле «одна страна, две системы». Это был тонкий компромисс, который Китай поддерживал весьма умело. Жителям Гонконга было позволено проводить ежегодные церемонии в память о массовых убийствах на площади Тяньаньмэнь в 1989 году — что было невероятным для самого Китая, — которые привлекали тысячи демонстрантов к ночному бдению при свечах в парке Виктория в Гонконге.

Но были пределы тому, насколько Китай был готов разрешить свободу слова и демократию в Гонконге — и именно эти пределы стали очевидны в 2014 году. В тот год Китай дал четко понять, что он готов разрешить давно обещанные прямые выборы на должность главы исполнительной власти Гонконга, но только при условии, что он сможет тщательно отобрать кандидатов. Для студентов и

активистов-демократов Гонконга это было неприемлемо. Когда они вышли на улицы в конце 2014 года — что привело Гонконг к фактической остановке на несколько дней, — некоторые опасались, что Китай может ответить, задействовав войска, как это было сделано в Пекине в 1989 году.

В этом случае китайское правительство поступило достаточно мудро, дав демонстрациям угаснуть и применяя лишь незначительное прямое или силовое вмешательство. Но для Пекина демонстрации в Гонконге только усилили страх Китая перед «цветной революцией». Этот термин придумали для того, чтобы описать ряд продемократических восстаний в странах бывшего Советского Союза и на Ближнем Востоке. Этими успешными прототипами были «Революция роз» в Грузии в 2003 году и «Оранжевая революция» (первая) в Украине в 2004 году. После этого казалось, что получившие такое название революции вспыхивали регулярно по всему миру. В 2005 году в Ливане была «Кедровая революция», которая помогла вытеснить сирийские войска из страны. В 2009 году в Иране произошла провальная «Зеленая революция». Восстание, которое потрясло арабский мир, началось с «Жасминовой революции» в Тунисе в 2010 году.

Вскоре после восстания в Тунисе в 2010 году китайские пользователи Интернета обнаружили, что поиск по слову «жасмин» был заблокирован. Этот акт цензуры продемонстрировал, что волна революций в арабском мире, которые продолжались на протяжении 2011 года, вызвала серьезную тревогу Коммунистической партии Китая. Ставшие популярными восстания против недемократических режимов — и хаос, который они могли вызвать — стали центральным вопросом политического мышления Китая. В Пекине была отмечена роль западных активистов, организаций и технологий в разжигании этих протестов. Тот факт, что восстание в Египте в 2011 году получило название «революции Фэйсбука» и одним из его наиболее известных первых

организаторов был исполнительный директор *Google*, способствовал тому, что эти две компании были успешно заблокированы в Китае.

Паранойя китайских чиновников по поводу цветной революции еще больше укрепилась после второй революции в Украине в 2014 году, через десять лет после первой Оранжевой революции. Казалось, что китайское руководство искренне разделяет точку зрения России на восстание в Украине — что оно было, по сути, организовано американцами, с использованием всех их мерзких инструментов, начиная с Интернета и заканчивая неправительственными организациями, финансируемыми Западом. Протесты в Гонконге, которые начались всего лишь через несколько месяцев после революции в Украине, казалось, усилили глубочайшие опасения Пекина. Они все больше казались ввозом технологий цветных революций на континентальную территорию Китая: сидячие протесты, студенты, группы иностранных телевизионных компаний, использование социальных сетей и появление броского названия, «Революция зонтиков». (В то время в Гонконге шли сильные дожди.)

Шок от событий в Гонконге заставил правительство в Пекине усилить свою бдительность по отношению к подрывной деятельности Запада. В начале 2015 года министр образования Китая, Юань Гуйрен, издал указ для университетов страны, который напоминал слова из периода расцвета маоизма: «Никогда не позволяйте учебникам, пропагандирующим западные ценности, появляться в наших классах», громогласно заявлял министр. «Любые точки зрения, которые критикуют или порочат лидеров партии или социализм, должны быть запрещены».

Любой гость современного Китая может сделать вывод, что на сегодняшний день уже поздно бороться с иностранным влиянием. Китайская столица уже стала родным домом для всех западных брендов, какие только можно себе

представить — от *Lamborghini* до *Starbucks*. В кафе возле университетских городков Пекина китайские студенты сплетничают и сидят в Интернете, точно так же, как их западные коллеги. Однако явная информированность может быть обманчивой. Любой, кто попытается войти в систему из одного из этих повсеместных интернет-кафе, определенно попадет на «Великий бранмаузер Китая», который блокирует доступ к *Google*, *Twitter* и другим западным сайтам.

При президенте Си, «Великий бранмаузер» поднялся выше, в условиях подавления западного влияния, что в свою очередь нанесло ущерб университетам, блогерам и программе телевидения. Профессоры из университетов жалуются на то, что они больше не могут получить доступ к *New York Times* для своих исследований. Люди, вовлеченные в либеральную политику, пострадали еще больше. Организации по правам человека сообщили, что сотни активистов и диссидентов были задержаны после демонстраций в Гонконге. Иностранные негосударственные организации тоже попали под усиленное наблюдение и давление. Это давление продолжалось весь следующий год, с массовыми облавами на юристов по гражданским правам в июле 2015 года. Большинство из них были отпущены достаточно быстро, но сдерживающий эффект был вполне преднамеренный — и он остался.²¹

Тем не менее, китайское правительство достаточно хорошо понимало, что не все внутренние недовольства в стране были результатом вмешательства иностранцев. Как только президент Си пришел к власти, он четко дал понять, что «великое возрождение» Китая должно включать борьбу с коррупцией. Если не очистить систему, заявлял он, то на карту будет поставлено существование самой Коммунистической партии.

Однако многие иностранные и китайские наблюдатели предполагали, что антикоррупционная кампания не будет

очень глубокой или очень долгой. Они ошиблись. За три года правления Си некоторые самые богатые и высокопоставленные люди в Китае были арестованы и дискредитированы. Сюда входили Чжоу Юнкан, который возглавлял аппарат внутренней безопасности при президенте Ху Цзиньтао, и личный секретарь президента Ху Лин Цзихуа. (Его расточительность попала под пристальное наблюдение после того, как его сын, в компании двух полуобнаженных женщин, разбился на *Ferrari* и умер в Пекине в 2012 году.)

Под чистку попал Руи Чэнган, журналист, который так нахально задавал послу США вопрос по поводу перелета эконом-классом. За шесть месяцев до его ареста я наткнулся на Руи на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Он как всегда был умным и самоуверенным. Перед тем, как задать вопрос премьер-министру Японии Синдзо Абэ, он отметил, что когда он находится в Токио, он любит посещать тот же спортзал, что и японский лидер. Шесть месяцев спустя, в июле 2014 года, Руи — который хвастался, что его телевизионное шоу собрало до 300 миллионов зрителей, — был арестован незадолго до его выхода в эфир в студии канала CCTV в Пекине. По прошествии приблизительно полутора лет ему все еще не были предъявлены обвинения, не появился он и на публике.

Как и во многих случаях арестов в рамках антикоррупционной кампании, появились различные предположения о реальных причинах исчезновения Руи. Был ли он действительно коррумпирован или просто перешел дорогу кому-то могущественному? Или и то, и другое одновременно?

Президент Си почти наверняка прав, что безудержная коррупция представляет серьезную угрозу легитимности и популярности Коммунистической партии. Трудность заключается в том, что аресты более 100 тысяч человек — по общей оценке на конец 2015 года — грозят созданием политической нестабильности иным образом. В отсутствие политически

независимой полиции и судебной системы, немногие могущественные китайцы могут быть уверены, что их не накроет волна арестов, в результате которых за три года в эпоху президента Си многие высокопоставленные лица в вооруженных силах, СМИ, региональных органах власти, крупных государственных предприятиях и мире больших капиталов попали в ловушку.

Китай времен Си представляет собой парадокс. Его агрессивная внешняя политика и риторика свидетельствует о том, что Китай является страной, которая все больше уверена в своей силе и международной роли. Но борьба с инакомыслием и коррупцией внутри страны, в условиях замедляющейся экономики, указывает на сильное чувство незащищенности в высших эшелонах власти. Две основные мысли — агрессивный национализм за границей и постоянная незащищенность внутри страны — идут рука об руку в опасениях правительства перед западной подрывной деятельностью.

То, что в некоторых кругах в Пекине уверены, что демонстрации в Гонконге были спровоцированы американским вмешательством, вызвало неподдельное негодование среди демонстрантов в Гонконге. Но основное ощущение китайцев по поводу того, что Америку все меньше и меньше устраивает подъем Китая, несло в себе гораздо больше. Так как годы правления Си показывают не только рост уверенности в себе китайцев по всему миру, они свидетельствуют об увеличивающихся усилиях Америки бороться с подъемом Китая. В совокупности эти новые точки зрения в Пекине и Вашингтоне представляют собой новую угрозу основным идеям «беспроблемной» взаимозависимости между Америкой и Китаем, которые долгое время поддерживались такими выдающимися академиками, как Ван Джиси и Джон Айкенберри — а затем были отображены в официальных заявлениях в Вашингтоне и Пекине.

В моменты размышлений американские должностные лица все чаще признают, что возникающее противостояние между Соединенными Штатами и Китаем — это не просто результат нового националистического настроения в Китае времен Си Цзиньпина. Это результат практически инстинктивной реакции Америки на подъем нового великого государства. По словам Курта Кэмпбелла, помощника госсекретаря по вопросам Азии в первой администрации Обамы, «Китай понимает что-то весьма существенное по поводу США, над чем, возможно, бьются сами американцы. США не позволяют себя уничтожить. Америка привыкла, психологически и политически, быть первой среди равных на мировой арене».²² Фактически, «первый среди равных» — это весьма скромное описание представления Америки своей роли в мире. При президенте Обаме, в той же мере, как и при президенте, Буше, Соединенные Штаты были настроены оставаться главенствующим государством в мире.